

Холодные

глаза

роман

Ислам
Ханипаев

альпина

ПРОЗА

18+

Содержит
нецензурную
брань

Ислам Ханипаев
Холодные глаза

«Альпина Диджитал»

2022

Ханипаев И. И.

Холодные глаза / И. И. Ханипаев — «Альпина Диджитал», 2022

ISBN 978-5-00-139798-4

Остросюжетный психологический детектив, который отличают яркие герои и мастерски выстроенная интрига. В дагестанское горное село, где только что произошло жестокое убийство, волей случая попадает молодой журналист из Махачкалы. Поначалу увлеченный расследованием страшного преступления, он все больше осознает, как погружается в мрачную, холодную и враждебную атмосферу села N, будто покрывающего убийцу. Эта история не отпускает героя долгие годы, вынуждая не только докопаться наконец до истины и разгадать имя преступника, но и разобраться в себе и своей жизни, в которой многое пошло не так.

ISBN 978-5-00-139798-4

© Ханипаев И. И., 2022

© Альпина Диджитал, 2022

Содержание

Рекомендуем книги по теме	7
От автора	11
Часть 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ислам Ханипаев

Холодные глаза

Редактор *Наталья Нарциссова*
Издатель *П. Подкосов*
Продюсер *Т. Соловьёва*
Руководитель проекта *М. Ведюшкина*
Ассистент редакции *М. Короченская*
Художественное оформление и макет *Ю. Буга*
Корректоры *Н. Витько, Ю. Сысова*
Компьютерная верстка *А. Ларионов*

© И. Ханипаев, 2022

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Холодные

глаза

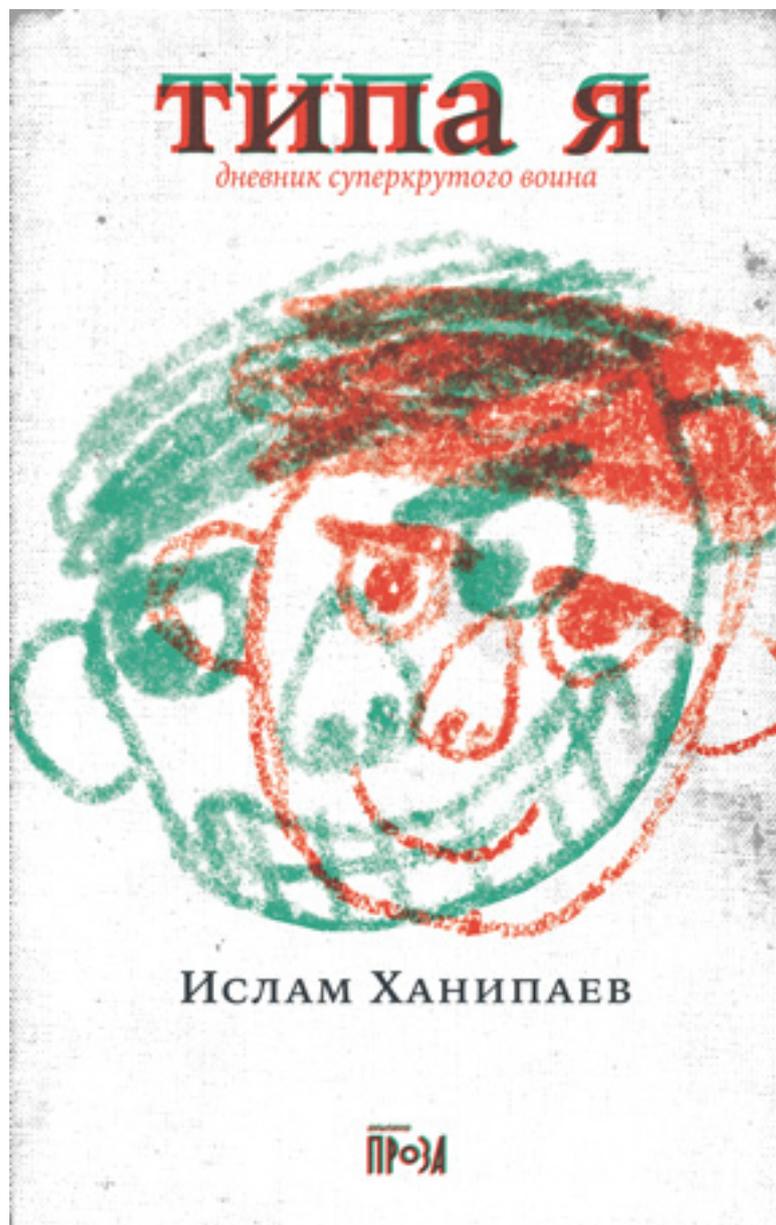
Ислам
Ханипаев

р о м а н

Издательство
«Альпина нон-фикшн»
Москва, 2022

альпина
ПРОЗА

Рекомендуем книги по теме

[Типа я](#)
Ислам Ханипаев

Радин
Лена Элтанг

Чёрное пальто: Страшные случаи
Людмила Петрушевская

Исландия
Александр Иличевский

От автора

Прошу читателей учесть, что это в первую очередь книга, а не справочник по Дагестану. Все происходящее в романе – плод моего воображения. Я не ставлю перед собой цель очернить или обелить малую родину. Моя задача – рассказать историю.

Хочу также извиниться – по крайней мере, перед своей республикой и дорогими мне людьми – за мат. Я обязательно избавлюсь от него в тексте – сразу после того, как от него избавятся в речи. Брань – важный инструмент достоверности в рассказываемой мной истории, а к достоверности стремится каждый уважающий себя автор.

Часть 1

Иногда я делаю вид... точнее, пытаюсь обмануть себя, будто совсем не помню тот день. Это произошло восемь лет назад. Мне было двадцать два года, и я отчаянно пытался попасть в штат государственного новостного агентства с не самым креативным названием «Главные новости». Оно было и остается третьим по масштабу источником информации в республике. За три месяца до того дня «Главным новостям» урезали бюджет. Пришлось прикрыть газету, и руководство решило, что настало время существенно изменить формат. «Главные новости» отошли от классических печатных СМИ в сторону сайта и онлайн-взаимодействия с читателями (конкурсы, интеллектуальные игры и прочее, помимо новостей Дагестана), а еще в некоторой степени превратились в желтую прессу, так как выделили целую колонку под слухи, скандалы и интриги.

В целом, стоит признать, решение было хорошим. От пяти тысяч ежедневных посещений за эти несколько месяцев сайт добрался до двадцати тысяч. А потому руководство решило, что нужно клепать много, очень много контента (надо сказать, не всегда высокого качества). И для таких вот нехитрых целей нанимались внештатные информационные рабы, готовые ухватиться за любую возможность, лишь бы быть напечатанными, лишь бы засветиться мордашкой на сайте и, если очень повезет, по программе сотрудничества с главным региональным каналом попасть на экран телика.

Грезил этим и я. Точнее, стремился зарекомендовать себя в качестве профессионала.

Именно поэтому 17 января 2014 года я встал в 4:30 утра и через час выехал на отцовской машине в аварское горное село одного из районов республики.

За отдел искателей приключений (так между собой называли внештатников) отвечал Амир Алиаматов, и он предложил мне написать статью о золотодобытчике-любителе Каримуле Наурбиеве. Тот объявил, что нашел на холме близ своего села золото. Представил доказательства, достаточно весомые – землю с едва заметными частичками золотой руды. То есть прямо притащил в пакете и вывалил на стол перед главой района землю с золотой стружкой, и фотография этого разлетелась по всей стране. Холм, на котором было найдено золото, принадлежал двоюродному брату его жены. Российские золотодобывающие компании проявили интерес, а умный парень Каримула, естественно, сразу предложил выкупить эту землю. Ну и завертелось.

Меня попросили просто осветить ход дела и по возможности взять у кого-нибудь – в идеале у самого гениального золотодобытчика – интервью. Недельку-другую назад там уже побывали старшие и – к моей зависти – штатные сотрудники, они планировали вернуться туда в случае какого-либо прорыва, а я просто должен был рассказать о промежуточных успехах. Если они есть. По слухам, какие-то процессы пару дней назад там пошли.

Ближе к обеду по заснеженным дорогам, полным лавиноопасных участков, я добрался до села, узнал у местного населения, как попасть к месту добычи, обещавшей обогатить каждого жителя, и мне указали дорогу, но не прямо, а вверх – надо было подняться к самой высокой точке села, а затем на снежный холм, на другой стороне которого нескончаемые золотые источники ждали своего покупателя, как выразился сам товарищ Наурбиев, поблескивая в доказательство золотым зубом на всех телеэкранах республики. Нет смысла говорить, что у машины не было шансов осилить дорогу к золотым источникам. Я решил оставить ее в центре села, до которого она и так еле-еле доползла не без участия пары крепких мужиков, почти не говоривших на великом и могучем.

В процессе подъема на своих двоих я вспомнил, что собирался на днях начать заниматься спортом. Или это было не на днях... Может, на неделях или на месяцах... Так или иначе, после подъема бедра у меня уже ныли по полной, а поясница требовала, чтобы я присел на часок-другой, но было негде. Два дня назад снегопад засыпал все вокруг полуметровым слоем и, судя

по ухудшению погоды, грозил возобновиться, так что я надеялся управиться очень быстро и успеть вернуться в Махачкалу. А еще я запарился тащить сумку с камерой и штативом, которые в совокупности весили около восьми килограммов.

С верхушки села я увидел холм, размеры которого меня не обрадовали. Хорошо хоть, более осведомленные парни подсказали, что можно пойти в обход. Я потопал по свежим следам на снегу (их было подозрительно много, будто все село подключилось к работе), которые указывали маршрут золотодобытчиков. И наконец еще минут через десять страданий я оказался в нужном месте – источнике вечной славы и богатств, ну и все в таком духе. На самом деле я и еще десяток людей, включая сотрудников полиции, будто под гипнозом смотрели, как дерутся два мужика. Если быть точным, они катались по снегу, отчаянно пытаясь лупить друг друга кулаками, пинать ногами, но снег, их толстая одежда и в целом округлые формы делали эту картину скорее смешной. Два телепузика наносили друг другу больше вреда аварским матом, чем кулаками. Иногда между этнической бранью проскальзывали неуклюжие русские словечки, но суть конфликта мне была не ясна. Когда полицейским надоело, они решили лениво (как судьи в хоккее) подключиться. Драчуны продолжали друг друга материть (хоть диалект был другой, я более-менее понял, кто и что хотел сделать с мамой своего оппонента). А еще мужики обзывались жуликами и подонками и высказывали сомнения в законнорожденности друг друга. Влившись в коллектив зевак, я минут пятнадцать слушал их выкрики, иногда кивая, будто все понимал. Сойти за местного, держа на плече камеру, у меня не получилось, но вроде бы никто при виде незнакомца особо не напрягся. Вот что я понял: товарищ золотоискатель Каримула подделал следы наличия золота, переплавив золотые запасы своего семейства (собственно, Каримула дрался с тем самым двоюродным братом своей жены, который, по его словам, с самого начала был против этой задумки) и превратив их в достаточно убедительные частицы золотой руды. Перемешал их с землей своего родственника и сел на скамейку в ожидании покупателей, а в руках держал табличку с ценником на землю: двадцать семь миллионов рублей – как он высчитал эту сумму, я так и не понял. Компании все же поостереглись совершать покупку сразу и отправили золотце на экспертизу куда-то на Урал, а затем итоги своего исследования передали полиции. Оказалось, что это стандартная ситуация и жулики довольно часто пытаются провернуть такое с крупными компаниями. Стоя там, в эпицентре драмы, я поражался тому, насколько это охренительная история как для репортажа, так и для какого-нибудь фильма.

А когда эмоции слегка поулеглись, вспомнил историю одного, если не ошибаюсь, филиппинца, который похожим способом в девяностых надурил золотодобывающих гигантов Азии, заработал на этом сотни миллионов долларов, а затем, когда все выяснилось, скрылся где-то в Штатах. Правда, его история закончилась печально. Каким-то образом филиппинская мафия, которой он задолжал, вернула бедолагу на родину, посадила его в самолет с предложением посмотреть с высоты на родную землю, а по приземлении золотодобытчика не досчитались. Туристы в том же году нашли в джунглях мешок с гниющим расчлененным телом.

Отечественному мошеннику повезло больше (думаю, ему и самому стало бы легче на душе, если бы кто-нибудь рассказал ему историю с мешком). Каримуле дали еще минут десять поорать, а затем, когда стало ясно, что добровольно проследовать в районный отдел полиции он не планирует, заломили ему руки и увели в село.

Они прошли совсем рядом со мной, и я, будучи довольно смекалистым репортером-любителем, уже приготовил камеру, чтобы взять у мошенника хоть какой-нибудь комментарий, но сотрудники полиции, один из которых приходился Каримуле двоюродным братом (это дагестанское село, тут все друг другу какие-нибудь да братья), пообещали потерять меня в этих самодельных шахтах. Разделить и запихать в мешок не пообещали, но общий смысл до меня дошел.

Чтобы уж совсем не остаться без комментариев очевидцев, я пробежался по родственникам и зевакам, каждый желающий попасть в телик, предварительно спросив, где его будут показывать, высказал свое мнение (иногда не только по поводу золота, но и по поводу меня «с этой долбаной камерой»), и напоследок я поснимал импровизированную золоторудную шахту и тоже направился в сторону села. Мимо меня пробежали несколько сельских парней с лопатами – вероятно, эти парни не оставили надежды разбогатеть или точно знали, куда Каримула высыпал остатки семейного богатства.

А я сел в машину и известил начальство в лице Алиаматова о том, что увидел и что успел поснимать. Получив добро, развернулся и поехал прочь из села, твердо веря, что ближе к вечеру окажусь дома. За ночь накидаю сырой монтаж и покажу миру настоящую детективную (если хорошо поработать над звуковым сопровождением) историю. Стоит признать, что детективная история получилась на славу. Правда, другая.

Оказавшись на шоссе, я написал бывшей одногруппнице, что хочу пригласить ее на свидание – попить кофе и посмотреть на заснеженную Махачкалу. В том году уже стало очевидно, что в ближайшем будущем снег начнет все реже заглядывать в столицу, так что я не хотел упустить возможность. Мне нравился снег – до того дня.

Кроме того, мне нравилась Камилла – еще в универе, и года через два-три мы вполне могли бы сыграть свадьбу. Для этого, конечно, я должен был стать штатным сотрудником «Главных новостей» и получать официальную зарплату в скромные восемнадцать тысяч рублей за вычетом налогов, и потому я готов был мотаться по всей республике и снимать не только фальшивых золотодобытчиков, но и фальшивое семейство инвалидов (включавшее главу села и не менее двадцати его родственников), сюжет о которых я делал на прошлой неделе и чуть не лишился отцовской машины, когда эти самые родственники пообещали скинуть ее в реку, если я и камера (которую периодически обещали затолкать мне в зад) не потеряемся из села. В общем, такой у меня был план на жизнь, и все в принципе шло по этому плану, пока я не увидел намек (которого не понял) и не получил судьбоносный звонок.

Намеком на то, что дело неладно, были две машины ППС, которые довольно рискованно, учитывая снег и обрыв с нашей стороны, обогнали меня. Вначале я подумал, что это хвост конвоя, везущего моего мошенника, но зачем на такой скорости и с сиренами меня обгонять? На ближайшем перекрестке машины свернули в сторону села, стоявшего на горе, которая со всех сторон, кроме въезда, омывалась рекой, а я поехал дальше, и уже через мгновение раздался звонок моего мобильного.

– Да?

– Арсен, ты выехал? – сразу спросил меня шеф.

По голосу я понял, что он слегка напряжен.

– Да, думаю, часа через четыре буду в городе. До утра сброшу материал.

– Слушай меня. Ты скоро проедешь рядом с одним селом, с правой стороны от тебя.

Называется...

– Только что проехал, – ответил я, глядя на село N.

– Разворачивайся, тебе надо туда. Только что звонила помощница главы села, без палева.

Говорит, там случилось кое-что страшное. Ближе всех у нас ты, так что вперед, это твой шанс. За плату не парься. Туда уже летят чужие, но нам охрентельно повезло, что погода портится и это задержит их, а еще больше повезло, что ты там. Так что у тебя в запасе минимум полтора часа, чтобы дать нам что-нибудь стоящее. Хоть фотографии, хоть что-нибудь, понял?

– Да. Она не сказала, что там случилось? – спросил я, сразу загоревшись.

Мой шеф был человеком честным, и если впервые за пару месяцев моего рабства он сказал, что это мой шанс, значит, так и есть. Сама судьба велела мне оказаться в правильном месте в правильное время.

– Нет, говорит, глава закрылся в кабинете с начальником районного МВД, в село съезжают сотрудники со всего района. Походу, там что-то очень серьезное.

– Да, только что рядом со мной пролетели уазики, – сказал я и, аккуратно развернувшись, поехал обратно. – Были какие-то нервные.

– Не знаю, Арсен, о чем речь, может, контртеррористические дела, может, какая-то перепалка, которая перешла в серьезные разборки, а может, и какая-нибудь шляпа. Без понятия. Твое дело разобраться, пацан. Ты у нас на хорошем счету, так что действуй.

– Понял. На связи. – Я отключился и свернул на перекрестке в село N.

«Ты у нас на хорошем счету», – повторил я вслух. Ну, в целом я понимал, что так оно и есть. Вроде не дурак, машина имеется на случай чего, хорош собой (по словам мамы), так что шансы на прорыв у меня были неплохими. Нужен был лишь правильный материал.

На въезде, будто по щелчку, асфальт сменился щебенкой. Это была главная и единственная твердая дорога села N, и я решил, что сделана она силами местных жителей. Вероятно, жители столкнулись с немалым количеством проблем в процессе ее засыпки. Учитывая, что это главная дорога, скинуться должны были все сельчане, а не только те, кто живет вдоль нее, а поскольку это обычное маленькое горное село хозяйств в триста без каких-либо предприятий рядом, люди здесь должны быть не особо зажиточными. Это означало множество конфликтов из-за того, кто сколько денег даст на дорогу. Так было и у нас. Мы так же, не дождавшись помощи руководства республики, засыпали щебенкой дорогу в нашем дачном товариществе. Отец, как самый бойкий в поселке, взялся проконтролировать строительство и съел на этом собаку. Четверть владельцев дач (весьма неплохо живущих) отказались платить, всячески отмазываясь, половина задержала плату на полгода, а четверть решила «подумать», и пришлось кое-как доводить дорогу до ума своими силами. Руководство города, оценив внимание со стороны блогерского сообщества (тут уже я постарался), подключилось в последний момент и наградило улицу фонарными столбами, осветив таким образом пользу, которую оно приносит простому дачному люду.

Я думал о дороге не просто так и даже в некоторой степени не по своей воле. Причиной тому было мое отклонение (как я сам это называю), но родители считали, что это просто особенность моего характера. Я постоянно искал задачи, тайны, задавал в детстве тысячу вопросов, мама называла меня Знаточик (это выросло из Любознайчика, который, в свою очередь, вырос из Зайчика), и, к моему сожалению, такой склад ума решил не просто сделаться частью меня, но полноправно встать у штурвала. В целом ничего такого, но не у всех знакомых получалось меня переваривать, так как моя особенность иногда, а точнее в моменты, когда я бывал заинтригован, превращала меня в жуткого пристава, задавателя тысячи вопросов и, естественно, выбешивала горячих обладателей дагестанского более сдержанного, если так можно выразиться, склада ума. Кино со мной смотреть точно было нельзя, так как удержаться от комментариев я никогда не мог. И хотелось бы сказать, что это помогало мне в профессиональной деятельности – в поиске ответов на мои же вопросы, но, скорее, это выливалось в описанные мною выше ситуации (обещания потерять меня в лесу, выбросить отцовскую машину со мной в багажнике в реку и прочее). Спустя три месяца активной работы внештатным репортером я понял, что хорошо быть в Дагестане журналистом, которому не нужно заниматься журналистикой. Выполняй себе заказы руководства республики, рассказывай о хорошем начальнике Магомедове (который нравится руководству республики), о жулике Магомедове (который не нравится руководству республики) и не забудь про Магомедова, а точнее троих Магомедовых, которые победили в чемпионате России по борьбе. И никто не думает о Магомедове, который пытался продать часть холма за двадцать семь миллионов рублей. Никто, кроме меня, а точнее моего руководства, которое хотя бы попыталось создать видимость журналистской работы. Вероятно, это потому, что мы получили только третий по размеру кусок республиканского информационного бюджета, иначе такие, как я, скорее всего, не были бы нужны.

Ну а пока просмотры, комментарии и лайки правили бал, а значит, и я все еще был востребован. Как настоящий журналист, я сразу почуял запах славы, когда мне сообщили о новом деле. Кто знает, быть может, оно и есть то самое дело, благодаря которому я получу не только место в штате, обогнав тринадцать-семнадцать человек (как меня не то мотивировал, не то пугал шеф), но и славу репортера, который занимается настоящей журналистской деятельностью, ведет опасные и интересные расследования. Однако если быть до конца честным, то каждый раз, получая новое дело, я думал: «ВОТ ОНО, ТО САМОЕ ДЕЛО, ЧТО ПРОСЛАВИТ МЕНЯ!» – а по факту оказывалось, что мусорные баки в Кяхулае жег внук одной бабули, решившей в битве за экологию республики (да и мира в целом) спалить весь пластик, который собирался в таких же пластиковых баках. Разок-другой я даже думал, как было бы круто найти в одном из мусорных контейнеров чей-нибудь труп, и тогда моя карьера получила бы тот самый заветный импульс, но это были лишь мечты, мимолетные мысли, которые я быстро отгонял.

Село N, как я уже сказал, находилось в горах, точнее на склоне горы. Несколько сотен хозяйств – на весьма неровном и, кто-то даже сказал бы, опасном пространстве. Некоторые дома стояли на краю обрыва, что, несмотря на постоянные оползни, довольно привычно для Дагестана. Конечно же, я увидел здесь и свою «излюбленную» картину: поток, несущий мусор – пластик и разлагающиеся органические отходы, – стекающий с обрыва вниз, в ущелье, дно которого облизывала бурная река (в тот день почти уже замерзшая), в свою очередь подхватывавшая этот мусор. То, что плавает, уходило вниз по течению, чтобы осесть где-нибудь в Аварском Койсу, а то, что не плавает... то не плавает. Я подумал о трупе, который можно было сбросить в этот мусорный обрыв, и это стало бы началом прекрасной (даже кинематографичной) истории о зверском убийстве и новичке-журналисте, который в конце, рискуя собой, поймает дворецкого. Ну или какого-нибудь чабана, если рассуждать в кавказском контексте.

Потом я увидел нескольких жителей села, что-то мрачно обсуждавших, стоя у столба, но в целом вокруг было не слишком оживленно. Мне на ум пришли две версии: либо в этот холодный зимний день жители просто сидели по домам, либо они где-то скопились. Второе сулило хороший репортаж, ведь не будет же все село собираться где-то из-за мелкого дела. А еще не будет уже третья машина ППС бесцеремонно меня обгонять. Я, естественно, поехал за ними.

Сворачивать с главной дороги никуда не пришлось. Мы просто проехали в конец села, и я увидел скопление из нескольких сотен человек, смотревших в сторону дома, который стоял немного поодаль, на возвышенности. Жителей туда не пускали три сотрудника полиции.

Толпа раздвинулась четко посередине, давая возможность машине ППС проехать. Я припарковался позади, взял свое снаряжение и вошел в толпу. Местные жители переговаривались, лица их были задумчивы, потерянные взгляды бегали по лицам стоящих рядом, несколько женщин плакали в сторонке. Дедули читали молитвы, и делали это очень напряженно. Кто-то кого-то проклинал. Из услышанного я понял, что в том отдаленном доме произошла какая-то трагедия, есть жертвы, но никто никому ничего больше не говорит. Пожалуй, лучшие (или худшие, тут уж как посмотреть) ожидания оправдывались. Видимо, тело все-таки есть. Зазвонил мой телефон.

– Ну как? – сразу спросил меня шеф.

– Вот пытаюсь пробиться через толпу, – заговорил я тихо. Обычно в подобных местах человек, говорящий на русском языке, да еще и без акцента, и с камерой наперевес, привлекает много косых взглядов, тем более в такой нервной обстановке. – Здесь что-то случилось, вроде кто-то умер.

– Умер или убит? – переспросил шеф, и я сразу понял, что его информация обновилась.

– Непонятно, но жертвы есть. Женщины плачут, да и в целом тут не очень приятная обстановка. Я бы даже сказал, мрачно-тревожная.

– Дом жертвы видишь? Он на возвышенности, должен выглядеть богато на фоне остальных. Мне так объяснили.

– Богато? – Я оценил дом издалека. – Ну да, богато. Сейчас попытаюсь пройти сквозь сотрудников.

Аккуратно проталкиваясь, я подошел к полицейскому, который сразу остановил меня, подняв ладонь, и задал мне вопрос на аварском. Будучи представителем той же национальности, вопрос я понял, но не хотел блистать знанием родного языка, поскольку блистать, в принципе, было нечем, и поэтому сказал:

– Новости. Нас вызвали, – и уверенно кивнул в сторону дома. Иногда это прокатывало, вот я и понадеялся, что с горским полицейским тоже прокатит, но он с сильнейшим акцентом спросил:

– Кто вызвал?

А на этот вопрос всегда трудно отвечать.

– Ну, вызвали канал, я представитель новостной службы, журналист. Сказали, что-то случилось, – объяснил я ему как-то скомканно.

Мужик смотрел на меня пустым взглядом с едва заметным проблеском задумчивости, затем поднял ко рту рацию и пробурчал что-то. Получил, как мне показалось, отрицательный ответ. Потом опять что-то сказал и получил еще более эмоциональный ответ. Учитывая плохое звучание рации и диалект, я почти ничего не понял, хоть и отношусь к поколению «так-то я все понимаю, но говорить не могу».

– Документал ругищ? – спросил он.

Я, поняв вопрос, мысленно обозвал его и разозлился на шефа, у которого как минимум три раза пытался выклянчить какую-нибудь временную корочку, что заметно облегчило бы мне попадание в труднодоступные места, но всегда получал отказ.

– С собой нет, – ответил я.

– Тогда вход тоже нет, – сказал он и, утратив к моей скромной персоне интерес, устремил взгляд на толпу.

Из человека хоть что-то значащего я превратился в ничего не значащую букашку.

«Гребаные документы!» – выругался мысленно я.

– Что у тебя? – спросил шеф.

Я собирался ему ответить, но тут как будто громом меня оглушил матерный крик одного из мужиков. С глазами, полными искренней злобы к полиции, этот тип с длиннющей густой бородой пошел в сторону сотрудника, с которым я говорил. К тому быстро подоспела подмога, и дальше все стало развиваться по классическому дагестанскому сценарию: крики, никто никого не слышит, угрозы оружием и все такое. Я отошел от толпы, прикрыв ладонью ухо, в котором эхом отдавались крепкие словечки, затем прозвучал выстрел, от которого я подскочил. Толпа без особого страха и, я бы даже сказал, лениво чуть отступила, а сотрудник, опять взяв рацию, принялся объяснять, зачем стрелял в небо.

– Что за шум?

– Тут недовольная толпа. Походу, родственники. Полицейский сделал предупредительный выстрел. А им хоть бы что.

– Тебя пропустили внутрь?

– Нет! Амир Алиаматович, ну вот реально, я же тысячу раз просил вас сделать эти документы! Я бы уже был внутри.

– Вот так и бывает, – буркнул Амир Алиаматович. – Хорошо. Так-с, там есть какое-нибудь здание администрации или типа того?

– Не знаю. Это же маленькое село. Сейчас. – Я направился к импровизированному гадекану, который расположился на скамейке подальше от толпы. Про себя я надеялся, что кто-то

там говорит на русском языке, но, уже подойдя, осознал, что собираюсь задать максимально простой вопрос: – Администрация?

Дедушки переглянулись друг с другом. Один из них, в старенькой черкеске, слегка приподнял свою трость, кивком указал направление вдоль главной улицы и сказал:

– Бағлар крыщ.

– Спасибо, – ответил я, увидев одноэтажный дом с красной крышей, ничем не выделявшийся среди остальных домов, кроме решеток на окнах. В телефон я доложил: – Нашел.

– Иди туда, там по-любому должны быть интернет и принтер. Сейчас придумаем тебе документы. Будешь нашим штатным работником.

– Вот это другое дело, – обрадовался я.

– Особо не обольщайся. Это только на сегодняшний день, раз уж в такой дыре никого больше нет. И это левая бумажка, как выйдешь из села, избавься от нее. Не создавай мне проблем.

– Я понял, – сказал я, но улыбка с моего лица все равно не пропала. Кушать торт не дают, зато получится пальцем отхватить немного крема.

– Сбрось мне их почту.

Я вошел в здание. Представился милой бабуле, которая вполне себе неплохо говорила по-русски, что меня неожиданно обрадовало. Спросил их почту, она протянула мне бумажку с адресом. В ответ на вопрос о принтере бабуля бросила безнадежно грустный взгляд под соседний стол, где стоял пыльный белый куб, и объяснила, что он уже неделю как не работает. Время шло, и я, человек, чудом получивший фору как минимум в полтора часа, четко это осознавал. Мой эксклюзив мог накрыться в любую минуту, если бы какой-нибудь мужик из числа сотрудников полиции щелкнул на телефон место преступления и дал хоть какой-нибудь комментарий по делу. Вообще чудом было, что до сих пор в сети не появилось ни одного кадра. Так что же там, в конце концов, случилось?

Я поставил принтер на стол, покопался в проводах, все в целом было рабочее. При соединении с компьютером оказалось, что последний не видит принтера, поэтому я быстро переустановил драйверы, и все заработало как надо. Мои липовые документы тоже пришли вовремя. Я быстро их распечатал, приложил к ним паспорт и пошел на второй раунд со знакомым сотрудником полиции.

– В машине лежали, – объяснил я.

Посмотрев на мои бумажки, он буркнул что-то в рацию, через секунду получил ответ «Давай», и я оказался в числе избранных. Предстояло по слякоти подняться к дому, в котором что-то произошло. За спиной я услышал выкрики местных жителей, возмущенных тем, что меня пропустили, но зато я, возможно впервые в своей профессиональной жизни, ощутил себя настоящим журналистом, особенным, тем, кому даже горские дагестанские полицейские (мало знакомые с законом) не помеха. Остановившись на половине пути, я вынул из сумки камеру и штатив, снял несколько панорамных кадров села, окружавших его высоченных гор и дом, у входа в который стояли еще два сотрудника.

Вблизи дом еще больше соответствовал обозначенным параметрам. Это не был миниатюрный замок, который можно найти в каждом селе республики. (Для того чтобы построить такой, надо было отхватить кое-что из бюджета республики и вовремя выйти из игры. В то время разбогатеть таким образом было легко, но вот вовремя выйти из игры – тяжело.) Но это был дом человека, который наверняка имел неплохой доход. И здание, и прилегающий небольшой участок ограждала недостроенная стена из шлакоблоков, и по обстановке во дворе мне показалось, что строительство началось недавно. Облицовка дома из золотистого мелкого кирпича смотрелась очень креативно для этих мест. Хозяева обладали чувством стиля, ну или хотя бы имели свое видение того, каким может быть дом в горах. Во дворе был припаркован «ленд-круизер». Я не слишком разбирался в машинах, поэтому не мог сказать, насколько крутой

была модель, но сам факт наличия «ленд-круизера» тоже говорил о том, что хозяин этого дома не самый простой человек. В Дагестане тех лет владение большой – в прямом смысле слова – машиной служило показателем респектабельности. Большой дом, большая машина, большой живот, больше большого... Там же, во дворе, я увидел новенькие кованые ворота с потрясным узором в виде двуглавого льва, которые ждали завершения постройки стены. Сразу промелькнула мысль, что, если бы хозяева успели достроить стену и поставить ворота, возможно, случившегося удалось бы избежать.

«Так, а что случилось-то?» – подумал я, остановившись в центре двора.

Ко мне навстречу шли оба полицейских с автоматами наперевес, охранявшие вход. Они едва слышно переговаривались на аварском. Я подумал, что, раз уж мне удалось попасть на место преступления, значит, я не так прост, как может показаться с виду, посему надо вести себя капельку уверенней, даже если у меня нет большого живота (но с лихвой хватает любопытства). Я поставил штатив на землю и начал первый:

– Салам алейкум. «Главные новости», Арсен Абдулкеримов, – и поднял вровень с лицом мои околоофициальные документы, но парни не обратили на них особого внимания.

– Ваалейкум салам, – ответил один, тот, что постарше, расставив ноги немного шире плеч, и вскинул голову так, чтобы я мог оценить его бычьей шеей. Ну или мне просто так показалось.

Затем он сказал на родном своему напарнику что-то вроде «скажи кому-то, что этот пришел», и второй направился в дом. «Этим», походу, был я, а кем был «тот», я понятия не имел, но существовала вероятность, что они зовут самого главного, и я был этому рад, поскольку не хотелось выглядеть выскочкой, который сам попросил позвать старшего.

Мы простояли молча секунд десять, глядя друг другу в глаза, и мне, как знатному болтуну, эти десять секунд показались десятью минутами. Не знаю зачем, я вдруг спросил у Бычьей шеи:

– Ну как? – Под этим вопросом я не имел в виду ничего. В смысле вообще ничего. Я просто сказал то, что сказал, не интересуясь ни его состоянием, ни происходящим вокруг, вообще ничем, и получил ответ:

– Пиздец. – Полицейский покачал головой и отвернулся от меня.

Я подумал, что я идиот.

В этот момент откуда-то из глубины дома раздался громкий женский не то плач, не то вой, и этот звук будто поглотил все вокруг и эхом пробежал по селу и горам, его окружавшим. Сотрудник опустил глаза, и его надменная гримаса сменилась скорбью. Едва слышно он повторил:

– Пиздец ебанный. Вот как.

Из дома вышел мужчина в черной кожаной куртке, из-под которой виднелась белая рубашка, в темных брюках, с легкой щетиной на лице. На вид ему было лет сорок пять, но, возможно, так казалось из-за пивного живота. Он был ниже меня, где-то сто семьдесят пять сантиметров роста. Бросив на меня почти звериный взгляд, он вытащил сигареты, закурил одну и пошел в мою сторону.

– Салам алейкум, Арсен Абдулкеримов, «Главные новости». – Я протянул ему руку.

– Как быстро, – усмехнулся он, качнув головой в сторону. – Ну, блядь, как, сука, быстро... Ваалейкум ассалам, – ответил он, не пытаясь хотя бы немного скрыть раздражение.

Я протянул документы, он бесцеремонно их выхватил, посмотрел на фото, затем на меня, затем опять на фото и вернул их мне.

– И?

– Я понимаю, что вы заняты, поэтому я бы хотел получить максимально быстро краткий комментарий по поводу того, что произошло, во всех деталях. И сделать подсьемку и пару фоток.

– Кратко и во всех деталях? – переспросил он, опять усмехнувшись, но улыбки на лице не было.

– Да.

– Так, пацан, отойди-ка отсюда, – сказал он и указал мне на невидимую границу, где планировалось возвести стену. Развернулся, бросил через плечо: – Пиздец! – и пошел обратно в дом.

– Вы отказываетесь от помощи, которую мы можем вам оказать?

– Какую, на хуй, помощь ты можешь мне оказать?! – заорал он на меня. – Там в доме плачет бабушка, которая потеряла сына и трех внучек, и я не знаю, как попросить ее, чтобы она покинула место преступления и дала нормально работать моей команде! Чем ты сможешь мне, а?! Иди, блядь, попроси ее, чтобы она вышла! Иди объясни ей, что мы должны взять некоторые вещи ее внучек! – Он замолчал в ожидании, что я отвечу на его вопросы.

Я ничего не ответил, потому что растерялся от услышанного. Мой мозг отказался принимать и обрабатывать новую информацию. Мужик слегка успокоился, и мне показалось, что он почувствовал себя виноватым, а может, просто наконец нашел козла отпущения.

– Сука... – пробурчал он себе под нос, потом потер лоб и добавил: – Пацан, просто не мешай. Сними, что надо, отсюда, и все. Вот тебе дом, – он указал себе за спину, – вот тебе село, – он указал за спину мне. – Что еще? Щелкни участкового и улетучься отсюда.

Следователь (как я понял, это был он) скрылся в доме, где, оказывается, произошло зверское убийство. Я, еле перебирая ногами, отошел и присел на самодельную скамейку из шлакоблоков, рядом с которой из земли торчала пластиковая труба с краном на конце.

Чтобы выстроить полную картину события, надо было точно вспомнить слова следователя. Он сказал, что в доме плачет бабушка, которая потеряла сына и внуков. Или внучек? Четыре или пять жертв? Но не факт, что их убили. Кто и для чего в горах будет убивать целое семейство? Вероятнее всего, речь идет об отравлении газом. Такое редко, но случается.

– Куришь? – спросил у меня внезапно оказавшийся рядом полицейский.

– Бросил, – ответил я.

Не знаю, почему именно так, ведь я даже не начинал, но, возможно, я сказал это, чтобы придать себе хоть какой-то вес в глазах других. Ведь если они не уважают мою профессию, то могли бы зауважать хотя бы за то, что у меня хватило силы воли бросить курить. Да и в целом после слова «бросил» я ощутил себя человеком с какой-то сложной историей, такой, что жизнь вначале вынудила закурить, а затем я, победив обстоятельства, покончил с пагубной привычкой.

– Молодец, – сказал мужик.

Я поднял на него глаза, а он, наоборот, отвел от меня взгляд и посмотрел на село, которое лежало перед нами как на ладони. Это был худощавый высокий мужчина лет пятидесяти, если судить по седым усам. Волосы его были скрыты под шапкой, но за ушами можно было заметить кончики седых прядей. Он подозвал на родном языке молодого полицейского, что-то сказал ему, и тот сунул старшему несколько сигарет и зажигалку. Потом мужик произнес как будто про себя, но так, чтобы услышал и я:

– Я тоже, но как тут не закуришь... – Он улыбнулся, но это была грустная улыбка. – Сам откуда?

– Из Махачкалы.

– Быстро ты! – бросил он слегка удивленно.

– Я был тут проездом.

– Понятно. – Полицейский смачно затянулся и выпустил белый дым, который слился с паром от его же дыхания.

Я тоже сделал глубокий вдох и выдохнул, чтобы посмотреть на пар. И вправду, как будто курю. Я всегда хотел курить, тяжело это объяснить, но я считал это крутым. Это не наивные

детские мысли, будто курят только взрослые и для того, чтобы повзрослеть, и я должен курить. Нет. Я понял это к двадцати. У меня не было особенно нервной работы, чтобы захотеть курить, мне просто всегда нравился образ задумчивого курящего мужика. Эдакий классический детектив в плаще, глядящий на какой-нибудь ночной Чикаго и размышляющий об очередном раскрытом деле. Не то что тот жирный засранец в кожаной куртке из девяностых.

Полицейский протянул мне руку:

– Алиев Каримдин, участковый.

– Арсен, – ответил я, вставая со скамьи.

Было бы неплохо взять у него комментарий на камеру, но мне не хотелось показаться слишком невежливым. Этот мужик единственный, кто сохранял хоть какой-то позитив с момента, как я приехал в село, и я боялся, что отпугну и его. Кроме того, это даже не село, а горный аул, а значит, всегда есть вероятность, что кто-нибудь приходится родственником кому-нибудь – и жертвам тоже. Я решил пока промолчать.

– Узнал все, что нужно?

– Нет, – ответил я разочарованно. – Ваш следователь... То есть, наверное, он следователь, полный мужик в черной куртке... В общем, меня попросили не мешать работе.

– Заур, – усмехнулся участковый. – Иногда он бывает чуть... ну... сложным, но сейчас его можно понять. Они были товарищами с Хабибом.

– Хабиб – это?.. – спросил я, не зная, что добавить в конце. Убитый? Жертва? Скончавшийся? Не хотелось показать, что я не в курсе событий, ведь это означало бы, что со мной говорить нежелательно, а товарищ участковый мог хотя бы немного приоткрыть завесу тайны. Все, что я должен был, – это делать вид, что осведомлен и нахожусь тут потому, что это моя работа – быть тут. А чем еще заниматься профессиональному журналисту?

– Жертва. Отец, – ответил Каримдин и выбросил сигарету в снег.

Я подумал, какой конкретно надо задать вопрос, чтобы получить ответ и не вызвать подозрений. Я уже понял, что сотрудники не горят желанием со мной беседовать. Если он сказал «жертва», то это, скорее всего, убийство. Значит, надо найти общую тему и, раз мы оба смотрим на село и в особенности на толпу, которую не пускают к нам сотрудники ППС, поговорить о местном люде.

– Он для всех много значил? Хабиб. Раз столько людей собралось и все пытаются сюда пробиться.

– Это же село. Конечно, тут все для всех что-то значат, а если убийство, то понятно, почему сельчане хотят узнать, что происходит. А что я им скажу? Кто-то убил вашего родственника, соседа, брата и трех его дочерей? И еще как убил. Ты же городской парень, сам по себе?

– Да, – ответил я не сразу, потому что обдумывал сказанное им.

– Тогда не поймешь. Эти люди будут готовы разорвать в клочья любого виновного. А что, если они подумают, что это кто-то из них? Начнут подозревать друг друга? Тут, Арсен, надо делать все аккуратно. Как там говорят у вас?

– Деликатно? – предположил я.

– Эй, журналист, как тебя там? – крикнул вышедший из дома Заур и направился в нашу сторону. – Нужен твой аппарат – сделать пару фоток, дашь на время?

– С фотоаппаратом работаю только я.

Я на него копил полгода, впахивая где только можно, так что отдать его в руки этого мужлана – нет, исключено. Кроме того, это была хорошая возможность стать участником процесса.

– Чё ты ломаешься?! За пять бумаг дашь? Минут на десять. Дорогу завалило. Наш работник будет здесь только ночью, так что у тебя есть возможность заработать хоть на бензин до города. Давай?

– Нет, хотите помощи – я помогу бесплатно, но снимать буду сам.

– Охуеть, – покачал он головой. – Нет, давай иди гуляй отсюда. Пока официального распоряжения не будет, мы никакой информацией ни с кем не делимся. – С этими словами он пошел обратно. – Запир, давай на твой телефон сделаем! Сфоткай, как получится.

Моя надежда поучаствовать в деле таяла с каждым шагом Заура, удалявшегося прочь, и тогда я предложил другой вариант:

– Эй, хорошо. Фотки ваши, перекинете себе все, но фоткаю я сам.

Это предложение заинтересовало Заура, иначе он не остановился бы. Следователь пома-нил меня рукой, будто попрошайку, и я, схватив оборудование, быстро к нему потопал.

– Как тебя?

– Арсен.

– Смотри у меня, братишка, если наебешь меня, я тебя где-нибудь за поворотом закопаю.

– Хорошо, – сказал я.

Супер, еще один обещающий что-нибудь со мной сделать. По части угроз эти ребята креативностью не отличались, но, если честно, я слегка испугался, потому что во взгляде Заура, в отличие от остальных, не было простого желания припугнуть. В нем было что-то искреннее. Будто Заур жаждал придушить что-нибудь живое.

Он пошел к дому, а я за ним, по дороге настраивая фотоаппарат.

– Видео будет? – спросил я.

– Нет, – ответил он и затем резко остановился. Повернулся ко мне и немного нерешительно спросил: – Тебе сколько лет?

– Двадцать пять, – соврал я, потому что быстро понял, к чему этот вопрос.

– Давно работаешь? – спросил он.

– Да, шесть лет, – соврал опять я.

Он едва заметно кивнул как будто сам себе, как будто силой выбил согласие у своей совести, а затем остановился и задал еще один вопрос, на который я, естественно, тоже ответил враньем:

– Тела видел?

– В смысле?

– Ну, мертвых видел? Не мертвых как обычно, а убитых видел? Вживую.

Я слегка призадумался над словосочетанием «мертвых как обычно». Походу, жизнь Заура скучной нельзя было назвать.

– А, да, конечно, – ответил я со знанием дела и даже пошутил, но явно не к месту: – Мертвых вживую видел.

Заур едва заметно закатил глаза, и я решил, что он внутренне прикидывает, не обойтись ли все-таки без меня и моего идиотизма. Но необходимость в фотоаппарате перевесила, и мы пошли дальше.

В голове промелькнули разные ассоциации со словами «убитые», и первое, что я вспомнил, – это фотографии убитых террористов после КТО, так что для уверенности, хоть меня на сей раз никто не просил уточнять, добавил:

– Террористов, бандитов видел. Нормально.

– Хорошо, – кивнул он, и тогда наконец моя мечта сбылась: мы оказались на месте настоящего преступления. Это вам не кража чипсов в супермаркете, это убийство. Это уже серьезная игра, в которую я готов был играть. Точнее, я так думал, пока не вошел в дом.

– Идем вначале сюда, – сказал Заур, предлагая мне сразу из прихожей свернуть в гостиную.

Я последовал было за ним, но в ту же секунду замер. Ноги застыли, будто прибитые гвоздями к полу. Я вцепился в фотоаппарат и, боясь моргнуть, уставился на лестницу, ведущую на второй этаж. По ней стекал уже подсыхающий ручеек крови, собравшийся в небольшую лужицу в коридоре. Я медленно поднял глаза в поисках его истока и увидел длинные каштано-

вые волосы, струящиеся вслед за багровым ручейком. Девушка, на вид лет семнадцати, лежала на ступеньках и, если бы не застрявшее между балясинами плечо, вероятно, скатилась бы вниз. Это первое, о чем я подумал: «А почему она лежит на лестнице? Разве она не должна оказаться внизу, если ее чем-то ударили, судя по открытой ране на макушке? Она должна была упасть и оказаться почти у моих ног. Ах, плечо, вот в чем дело». Через пару секунд я осознал, что это не фильм и я смотрю на тело девушки, которая еще недавно была жива. Ее пустые глаза глядели на вход, почти на меня, но в них не было жизни. Я будто ждал, что она сейчас моргнет и с криком вскочит, расплываясь в улыбке, а все находящиеся в доме полицейские начнут надо мной смеяться, но секунды шли, а она не двигалась, глаза не мигали, и я тоже просто стоял.

В реальность меня вернули слова Заура:

– Ее потом. Аккуратно, телефон. – Он указал мне на телефон, очевидно, принадлежавший этой девушке, который лежал на полу рядом со мной.

Затем мы вошли в гостиную. Наверное, это был первый раз в жизни, когда я действовал, четко следуя командам. Я не знал, как реагировать на увиденное, я будто укрылся куда-то внутрь себя и позволил внешним обстоятельствам давать команды моему телу, а оно слушалось, пока я прятался где-то в уголочке своего сознания. Это происходило не со мной. Я был в другом месте: в машине, за рабочим столом, в родительском доме – где угодно, но не тут. А Заур говорил: «Иди», и тело мое шло, он говорил: «Заверни», я заворачивал, он говорил: «Фоткай», и я нажимал на кнопку на фотоаппарате.

– Вот, начни с него.

Мы оказались в гостиной. Стулья и посуда валялись на полу.

– Поснимай сперва его, потом все вокруг. Аккуратно, следы. – Заур отдавал мне команды, указывая на все интересные детали, а еще на пол, на котором я заметил явные кровавые следы, ведущие из гостиной туда, в коридор, к следующей жертве – девочке на лестнице.

Я прошел в конец гостиной.

– За диваном, – подсказал Заур, но мне не нужно было подсказок, потому что я уже увидел мужскую ногу в белом носке и в штанине спортивных брюк. Белый носок, само собой, уже не был белым.

Следователь, скорее для себя, чем для меня, прокомментировал:

– Тут все началось... Походу, они тут разговаривали...

Завернув за диван, я увидел не совсем то, чего ожидал. Это было кровавое месиво. Тело со множеством колотых ран, в луже крови. Я не сразу понял, что и как снимать. Я просто видел красное пятно.

– Эй, – сказал Заур.

– А? Что? – спросил я, поднимая на него глаза.

– Я могу сам, скажи куда тыкать, – предложил он помощь.

– Нет, я сам. Нормально, – ответил я и как-то непроизвольно начал чересчур усердно фотографировать жертву. Крупные планы окровавленных рук, живота, на который приходилась большая часть ран, лицо. Хабиб был крупным мужчиной лет пятидесяти, весом, вероятно, чуть больше ста килограммов. По его широкой груди и крепким рукам с массивными трицепсами я решил, что он старался держать себя в форме. Пустые глаза его смотрели на мои ноги.

В гостиную вошел молодой полицейский.

– Заур Пашаевич!

– Что?

– На улице ситуация чуть поменялась. Местные устроили кишиш с одним из пэпээсников. Их разняли.

– И?

– Там, короче, чуть эмоции... – выдавливал из себя парень, мешая Зауру следить за моей работой. – Кажется, народ надо успокоить.

– Так идите и успокаивайте! Я тут при чем? – заорал он, а потом переключился на меня: – Так не нужно. Особо напрягаться не надо, слышишь? Ты просто сделай общие фотографии, и все. Четкие, понятные общие фотки сделай, и все, детали уже наши снимают, когда приедут. Хорошо?

– Да, – бросил я за спину, хотя толком не услышал, что он сказал. Или услышал, но не понял. Я просто фотографировал убитого, потом диван, стол и в целом гостиную.

– Ты еще тут? Давай отсюда! – прогнал он бедолагу. – Закончил?

– Да.

– Потом он пошел сюда, – продолжил следователь проговаривать свою версию, глядя на кровавые отпечатки подошв на белом кафеле. Мы остановились у прохода в прихожую. – Тут его увидела Асият. Она бросила телефон и побежала вверх по лестнице, вместо того чтобы выбежать на улицу. Почему ты не выбежала? – спросил он у мертвой девочки, глядя то на нее, то на дверь. Он будто пытался встать на ее место. Подсчитать количество шагов до выхода.

Мне захотелось сказать ему, что она не может ответить на его вопрос, потому что мертва, но, наверное, он и сам это понимал, в отличие от меня.

Заур сказал:

– Давай, точно так же. На всякий случай телефон тоже.

– Да, – ответил я и принялся за работу. Начал с телефона, потом развернулся к девушке, которую он назвал Асият.

– Стой, – сказал вдруг Заур, будто я занимался разминированием бомбы.

Поднявшись на пару ступенек, он протянул руку к бедрам девушки, взялся за край юбки и слегка потянул вниз, спрятав открытые части тела, насколько это было возможно. На щиколотке я заметил явные синяки от впившихся в плоть пальцев. Будто проигрывая сцену из фильма ужасов, я понял, что он успел схватить бежавшую вверх по лестнице за ногу и потянуть вниз. В отличие от фильмов, где герои, брыкаясь ногами, отбиваются от злодея и сбегают от него, Асият не смогла ничего сделать. Ее просто убили, ударив чем-то тяжелым по голове.

– Давай.

В прихожей находилось не меньше пяти сотрудников, следивших, будто под гипнозом, за моей работой.

Я сделал несколько фотографий: девушка, лестница, лужа крови.

– Макушку тоже сфоткай, – сказал Заур, указав на свою голову, затем, будто поняв, что показывать на себе не лучшая примета, отдернул руку.

Я поднялся на пару ступенек и, стоя над бездыханным телом, сфотографировал окровавленную голову.

– Я думаю, это рукоять ножа. Одним ударом, – дал объяснение Заур, хотя я в этом не нуждался.

И не потому, что догадался сам, а потому, что не хотел знать, ведь каждая новая деталь делала произошедшее еще более достоверным. Я же все это время пытался мысленно находиться в другом месте, а все, что тут произошло, никогда не происходило.

– Теперь наверх, – скомандовал Заур, и я молча стал подниматься, хотя, если бы я мог в тот момент мыслить рационально, то, наверное, сбежал бы, бросив фотоаппарат.

Остановившись на верхней ступеньке, я развернулся. За мной стоял с десяток полицейских, следивших за моими действиями. Возможно, будь я опытным фотографом-криминалистом, я почувствовал бы в этот момент свою абсолютную власть, и подтверждением тому была реакция всех находившихся внизу... Вдруг я подумал, что надо сделать общую фотографию прихожей, лестницы и входа в дом. И когда поднял камеру к лицу, все сотрудники мигом разбежались, а я сделал фото, которое потом разошлось по всем СМИ, включая два федеральных канала.

Именно о такой славе я мечтал... до того дня.

– Сюда, – сказал Заур и указал мне на дверь, – комната Карины. Старшая дочь, двадцать один год. Сфоткай сперва это. – Он махнул рукой на дверную ручку, измазанную кровью.

Я ее сфотографировал, и мы вошли в комнату. Девушка, которой принадлежала эта комната, определенно обладала чувством стиля – и любила все белое. Белая кровать, белый диванчик и приставленный к нему белый рабочий стол, белый круглый пушистый коврик в центре. И белый большой рояль в углу комнаты. Только занавески были алыми.

– Сфотографируй ее, подходить не надо, – сказал Заур, но я не слышал его.

Я смотрел на рояль. Зачем он здесь? Что делает рояль в горах Дагестана? Конечно, это не огромный рояль из фильмов про Джеймса Бонда, сидя на котором поют роковые девушки в красном, но все равно, это же рояль, и видел я эту штуку вживую впервые.

Следователь применил весь свой опыт розыскной деятельности, чтобы прочитать вопрос на моем лице, и ответил на него:

– Она была пианисткой. Московская консерватория. Слышал однажды, как она играла. Ни хуя в этом не понимаю, но играла нереально. Всяких Моцартов. Давай сфоткай все, где видно кровь. – Он указал мне под ноги.

Будто в трансе я успел сделать пару шагов внутрь и одной ногой ступил на ковер. На нем тоже виднелись кровавые следы. Я щелкнул его, а потом снова уставился на рояль.

Мне не очень хотелось поворачивать голову в сторону кровати, на которой при большом желании можно было боковым зрением различить тело девушки и очередное кровавое пятно. Но желания у меня не было. Ни большого, ни маленького. Я продолжал смотреть на белый музыкальный инструмент. Она просто была там, и с этим нужно было смириться.

– Ну все, дай фотоаппарат, – скомандовал Заур, теряя терпение, затем попытался взять его у меня из рук, но я отшатнулся и решительно направился к девушке, чудом не наступив на кровавые пятна.

Девушка лежала на спине и смотрела почти прямо в потолок. Ее живот тоже был весь в ранах, а белое покрывало под ней уже не было белым. Ничего уже не было белым.

На ней были серые легинсы, а сверху белая майка. В отличие от каштановых волос отца и сестры, у нее они были черные и кудрявые. Я подумал, что она либо пошла в маму, либо красила их. Еще я подумал о множестве других вещей: о красивом шкафе, полном книг, и прикольной люстре в стиле лофт, совершенно не вписывающейся в общую картину. Я задавал себе кучу вопросов и пытался ответить на каждый из них. Думал обо всем, кроме мертвой девушки, тело которой и огромное багровое пятно на кровати выделялись на фоне всего остального в комнате.

Увидев под кроватью белый эпловский наушник, я пригнулся и сфоткал его тоже. Кто знает, что может пригодиться следствию.

– Надо сфоткать шею? – спросил я.

– Зачем?

– Тут следы рук, – объяснил я.

– Сможешь так, чтобы прямо четко было видно?

– Ее можно... подвинуть? Ну... в смысле повернуть подбородок в сторону? В смысле голову. Лицо. Тогда получится.

– Нет. Трогать нельзя. Оставь. Остальное сделал?

– Да.

– Идем.

Мы вышли и направились к последней комнате. Остановились у входа.

– Дай, – сказал он и протянул руку к фотоаппарату.

– Я сам, – отрезал я.

– Дай сюда эту ебаную штуку! – заорал он на меня, а я холодно смотрел на его открывающийся и закрывающийся рот, не понимая сути его недовольства. – Слушай меня. С тобой все ясно. Ты хороший пацан, но весь этот пиздец не для тебя. Там в комнате мертвый подросток.

Я подумал о том, что девушка на лестнице тоже могла бы сойти за подростка. Сегодня вообще тяжело определять возраст девушек.

– Слышишь? Отдай мне ебанный фотоаппарат! Тебе этой хуйни не надо, еще раз тебе говорю. Если хочешь спать как нормальный человек, то тебе лучше остаться тут.

Как я понял, он был недоволен тем, что я не слишком сильно беспокоюсь о качестве своего сна, а то, что скрыто за дверью последней комнаты, этот сон может испортить. Как хорошо, что она не была первой в нашем плане осмотра.

– Я быстро. – Заур вынул у меня из рук фотоаппарат, а я ничего не сделал, даже не пошевелился.

Он вошел в комнату, а я присел в углу коридора. Была еще одна комната в конце, очевидно принадлежавшая красивой, но, к сожалению, мертвой девушке на ступеньках. Из комнаты доносились рыдания, но дверь была закрыта. Я посмотрел на белые стены коридора и подумал, насколько тщательно эта семья подошла к обустройству. Такого не увидишь не то что в горном Дагестане, но и в Махачкале. Все было идеально, начиная с плинтусов и заканчивая лепниной в форме цветов на потолке.

Два мужика не в полицейской форме, а одетые по-деловому, поднялись к нам. Их взгляды скользили по коридору, пока они не увидели меня. Один из них, склонившись ко мне, тихо произнес самую короткую форму соболезнования на аварском. Второй, также с сожалением на лице, кивнул мне, а затем они вошли в комнату старшей сестры. Ввиду отсутствия рядом родственников жертв я решил принять соболезнования. А кем еще может быть потерянный двадцатилетний пацан, сидящий на полу в доме, где кто-то учинил кровавую бойню? Конечно, я родственник.

Я встал и осторожно заглянул в комнату, в которую мне настоятельно рекомендовали не заглядывать. Мне было интересно: чем занималась эта девочка на досуге? Каким был ее мир? Если старшая сестра поставила в комнате рояль, то что могла поставить младшая?

Я так и не увидел тело Кумсият, а значит, частично выполнил наш уговор с Зауром, хоть и заглянул в комнату. Она была обставлена высоченными шкафами с книгами и всякими фанатскими безделушками, из которых я узнал что-то из Гарри Поттера и что-то из популярных мультфильмов. А потом я увидел окровавленное покрывало, под которым были заметны очертания детского тела. Кровь едва проступила через толстую ткань, и оставалось догадываться, что под ней. Кто под ней. И эта картина запомнилась мне надолго. Я помнил ее гораздо дольше, чем тела трех других членов семьи, которые разглядел со всех возможных ракурсов. Позже я нашел этому объяснение, когда посмотрел видео популярного американского писателя о том, как писать рассказы. Там было сказано, что гораздо легче смотреть на открытый шкаф с монстрами, чем на закрытый, внутри которого кто-то острыми когтями скребет по стенке. Феномен неизвестного.

Стоя в центре комнаты Кумсият, любуясь ее огромной библиотекой, я подумал, что, пожалуй, будь у меня возможность все переиграть, я, наверное, не заглянул бы сюда. Будь у меня возможность все переиграть, то и в дом бы я, скорее всего, не зашел, ограничившись общей фотографией места преступления. Будь у меня возможность... я бы не завернул в это село.

– Уведи его на улицу, пусть подышит, – сказал Заур, и один из полицейских жестом предложил мне выйти.

Я не спорил. Полицейских надо слушаться. Так отец учил с детства.

Мы прошли мимо комнаты пианистки и начали аккуратно спускаться по лестнице, где лежало тело Асият. Я опять заглянул в ее пустые глаза, и мы вышли на улицу, но последняя

мысль, промелькнувшая в голове, удивила меня самого. Я подумал, что, увидь я ее в какой-либо из махачкалинских кофеен, влюбился бы мгновенно. Встретясь мы глазами и будь у меня возможность, определенно пригласил бы ее куда-нибудь и через месяц-другой женился бы на ней. Будь она жива. Но она была мертва, и теперь на ней никто не женится. Жаль, подумал я и в тот же момент вылетел из дверного проема на улицу, повернул в сторону, и меня вырвало завтраком. Ноги больше не держали меня, поэтому я упал на колени прямо в свою блевотину и подумал о том, останутся ли пятна на джинсах после стирки, а потом блеванул еще раз. Была и третья попытка, но, видимо, содержимого желудка не хватило на еще один раунд.

– Идиот, – выругал я себя за эти мысли о том, что нашей с убитой девушкой свадьбе помешала ее смерть. – Долбаный идиот.

Ко мне подошел тот самый улыбчивый участковый, мягко похлопал по плечу и протянул платок. Он ничего мне не сказал, да и мне нечего было ему сказать, кроме слов благодарности, но выдать их из себя я не смог. Вспомнил его «как тут не закуришь», но, если бы я попытался в тот момент закурить, меня бы, наверное, вывернуло наружу всеми моими внутренностями.

Я поднялся на ноги, присел обратно на шлакоблоки и принялся оттирать рвоту с колен снегом. Через некоторое время, возможно, минут через пять, а может, и через час, из дома вышел Заур и направился ко мне. Протянул фотоаппарат.

– Я забрал флешку, считай, что купил у тебя. Сколько стоит?

Я не ответил. Заур покачал головой с легкой гримасой жалости на лице.

– Вот мой номер. – Он протянул бумажку.

Я некоторое время смотрел на нее, не понимая, зачем она мне, и Заур засунул ее в карман моей куртки.

– Позвони мне, расплачусь. Договорились?

Я кивнул в ответ, и он кивнул тоже, потом сделал пару шагов к дому, остановился и снова заговорил со мной резким тоном:

– Вот так бывает, когда не слушаешь! Говорил тебе, стой тут. Сука, вот нужно было тебе это видеть? – Кажется, следователь беспокоился за мое состояние больше меня самого. – Блядь, знал же, что пиздишь, что видел трупы. Знал же! Так, Артур... Арсен? Смотри на меня. Если ничего срочного дома нет, не езжай никуда. Дорогу завалило в нескольких местах. Придется ехать в объезд, а это минимум еще два часа по горам. Опасно, надо быть внимательным, а ты сейчас немного летаешь в космосе. На выезде из села есть поворот налево. Слышишь? Когда въезжал в село, ты должен был его увидеть. Он был справа и сразу как бы вниз. А сейчас он будет слева. Так?

– Да.

– Еще раз. На выезде из села налево. – Он произносил слова с расстановкой, но у меня с русским все было нормально. С аварским были некоторые проблемы. – ...И спуск к реке. Все село окружает река. Ты к ней спустишься. Понял? Там есть здание, двухэтажное. Типа советской общаги. Сразу поймешь. Это гостевой дом. Ты слушаешь?

Я кивнул, но в целом я больше размышлял о том, чье окно второго этажа смотрит на нас. Кажется, это была комната, в которую мы не заходили, комната Асият, комната, из которой доносились рыдания.

– Придешь туда, снимешь номер недорого. Вот тебе штука. – Он сунул мне в руку купюру в тысячу рублей. – Ровно на один день. Оставайся сегодня там, посмотри киношку, поиграй в телефон и выпишись, а завтра поезжай спокойно домой. Понял? Не думай о том, что увидел сегодня. Просто отпусти. – Он жестом руки смахнул невидимую мошкарку в сторону гор. – Считай, что всей этой хуйни у тебя не было в жизни. Ничего вспоминать, обдумывать, строить всякие версии не надо. Это все, – он открытой ладонью будто закрасил дом за своей спиной, – тебя не касается. Это моя работа. Строить теории, искать преступников. Это не твоя проблема.

Я знаю, как это бывает вначале. Ничего не обдумывай. Своих тоже предупреди – семью, на работе, чтобы были в курсе. Вопросы есть?

Я помотал головой, а он покивал в ответ, сказал что-то матерное себе под нос и ушел. Я засунул камеру в рюкзак и потопал вниз. Толпа немного рассеялась, да и в целом, кажется, успокоилась. Мне показалось, что весь этот люд ждет меня и моих объяснений, ведь в их глазах я определенно вырос, превратившись из неуклюжего парня с громоздким оборудованием в того, кто теперь что-то знал. Но знал я не так уж много и не был уверен в том, что как-то вырос как человек или вдруг узнал больше о жизни. Мне и раньше было известно, что люди делятся на два типа: живые и мертвые. Но я точно больше не был тем, кто поднимался по этой дороге к красивому дому полчаса назад.

Пока спускался, я представил себя официальным представителем полиции, который должен выступить с какой-то речью и успокоить народ, доверивший мне власть.

«Дорогие жители славного села N! Прошу вас, возвращайтесь домой! У нас четыре жертвы. Отец и три его дочери. Они все уже мертвы. Все нормально. Больше никто никого не убьет. По крайней мере, в этом доме сегодня точно никого больше не убьют. Некого убивать. Проверьте двери, окна перед сном. Ну, на всякий случай. Спасибо за внимание».

Внизу я увидел того полицейского, который не пропустил меня с самого начала. Он медленно отодвинулся, не сводя с меня напряженного взгляда и автоматически отталкивая рукой зевак, чтобы открыть мне путь. Он точно больше не считал меня ничего не значащей букашкой. Я был там и вернулся обратно. Может даже, он осознал, что на его глазах произошло в некоторой степени чудо – перерождение человека без видимых визуальных изменений. Ну разве что побледнел чуток. Возможно, так оно и было, но я думал только о том, что поскорее хочу попасть в единственное безопасное место, в свою машину.

Я прошел мимо полицейских, мимо толпы, провожавшей меня взглядами, будто в замедленной съемке, думая только о папиной машине. Каждый мой шаг к ней был таким долгим и тяжелым, и, когда дверца наконец захлопнулась, я почувствовал настоящее облегчение.

Следующий час я просидел, наблюдая в лобовое стекло за толпой. В какой-то момент стало понятно, что я околел. Включил печку и еще через какое-то время понял, что дело не в погоде. Точнее, не только в ней. Просто кровь в жилах встала. Растирание тоже ничем не помогло. Потом я залез в телефон, проверил все свои соцсети и почту. Так, по привычке.

Под звуки мигалок и неразборчивого аварского мата толпа начала расступаться. Выехала машина ППС, а за ней и черная «камри». За рулем иномарки сидел Заур. Он что-то жарко говорил в телефон, но мы все равно встретились взглядами. Замолчав, он посмотрел на меня сердито и одновременно с жалостью и проехал дальше. Зазвонил мой телефон, и от неожиданности я так дернулся, что чуть не ударился о крышу машины.

– Обрадуй меня, пацан, – сказал Амир Алиаматович.

В этот момент я задумался о действительности: какой разной она все-таки бывает. Прямо сейчас и последние полчаса моего перерождения шеф сидел, вероятно, в офисе. Что-то читал или писал в ожидании новостей от меня. У нас с ним были какие-то отношения, общие воспоминания, пусть и длиной в пару месяцев знакомства, у нас отчасти была общая задача – репортаж о золотодобытчике, а затем другая – выяснение обстоятельств произошедшего в селе N. Между нами были нити, связывавшие нас. Еще полчаса назад. А сейчас все было по-другому. За этот короткий промежуток времени мой мир будто взорвался и возродился вновь, но не так, как новая сочная поросль пробивается на месте лесного пожара. Это было что-то другое, что-то склеенное скотчем, на скорую руку, готовое разрушиться в любой момент.

Шеф продолжил:

– Я очень на тебя надеюсь.

– У меня забрали весь материал, – сказал я мертвым голосом. В связи с последними событиями слово «мертвым» приобрело для меня какой-то новый смысл. Будто критерии мертвости и живости обрели более конкретные очертания.

– В смысле забрали? Это как?

– Меня не хотели впускать, и говорить со мной никто не хотел. Я получил общую информацию из разговоров, но снять ничего не получилось. Потом им срочно понадобился фотоаппарат, и я договорился со следователем, что отдам им весь отснятый материал. Думал, может, получится схитрить, что-нибудь скопировать себе, но они забрали у меня фотоаппарат и вытащили флешку вместе со всем материалом.

– Та-а-ак... – протянул шеф. – Материала нет. Это, конечно, плохо... Блядь... Что ж делать...

– Извините, Амир Алиаматович, что облажался. Материал по золоту тоже был на той флешке. У меня нет ничего.

– К черту золото. Блядь. Ладно, ничего, пацан, не расстраивайся, нет так нет. Не будет эксклюзива, ты попытался – не получилось. Это, конечно, плохо, и я не знаю, что скажу выше, но черт с ними. Возвращайся, мы покроем все расходы. Флешку новую тоже получишь. Обычно то, что берут силовики, назад не возвращается. Знаю по опыту. Так что особо не надейся.

– У меня есть материал, – сказал я, но, видимо, так тихо, что шеф не услышал.

Он продолжал говорить:

– Найдем что-нибудь другое.

– Я говорю, у меня есть материал, – повторил я громче.

– Есть материал?

– Я же сказал, что был там.

– Где был?

– Я был там, внутри! – Неожиданно для себя я перешел на крик, но быстро успокоился. – Я сам все снимал.

– Ты снимал?

– Да, им нужен был фотограф, и я все снял. Могу написать статью, точнее все, что знаю, а вы уже доведете до ума.

– В принципе можно, но у меня и так есть общая информация. Тут уже вылезло. Убит Хабиб Гамзатов, бывший работник прокуратуры. Знаю, что нашла его рано утром мама, к которой он заходил каждый вечер, но вчера не пришел. На звонки не отвечал, она пришла к нему, дверь была открыта, ну и пока все. У тебя что-то еще?

– Не только Хабиб. Там еще жертвы.

– Кто?

– Три дочери, – сказал я, но получилось опять очень тихо. В горле будто застряла горсть осколков стекла, и всякая моя попытка что-то сказать заканчивалась самой обыкновенной болью. Зачем-то левое веко начало дрожать. Я попытался вдохнуть поглубже. Грубо потер глаза.

– Кто? – переспросил он. – Ты сказал «дочери»?

– Да. – Я выдавил из себя всего одно короткое слово.

– Так, еще раз. Я правильно понимаю? Ты говоришь, что убит не только Хабиб, но и три его дочери? – Он выждал немного, будто не совсем поверил своим ушам. – Кто-то убил трех девочек?

– Да, – повторил я.

Он молчал. Я слышал его дыхание, какое-то шевеление, шелест бумаги.

– Это, конечно... пиздец. Что за животное. Ужас. Что ты увидел?

– Все.

– Так, Арсен, слушай меня. Соберись, перескажи все, что ты увидел и услышал. Сейчас запишу.

– Мне пора, – сказал я, отключился и бросил телефон на заднее сиденье.

Я смотрел на толпу. Остались самые стойкие. Парни уже пританцовывали от холода, попрятав руки в карманы, но расходиться не собирались. Я услышал стук, затем еще один. Капли били о лобовое стекло. Я подался вперед и увидел, что над машиной проходит какая-то ржавая труба, с которой свисает тающая сосулька. Капля за каплей падали вниз. Где-то я видел похожую картинку сегодня. Я вспомнил еще один ручеек, но он не был прозрачным, как вода, это был высохший багровый ручей, стекавший со ступенек. Я вспомнил Асият. Невероятно красивую девушку с проломленной головой, и как ее каштановые волосы будто лились со ступенек в одном направлении с кровью. Вспомнил пустые безжизненные глаза, точнее выражение лица, на котором застыло легкое недоумение от произошедшего.

Я вышел из машины и направился в сторону толпы. Я должен был вернуться, сделать что-то. Сделать что-то такое, чтобы они снова были живы, я должен был что-то изменить, что-то исправить в этом механизме. Я подумал, что если бы наша жизнь, наш мир выглядел как часы, а войны, убийства, голод и болезни были поломками, ржавчиной, сбитыми настройками, то можно было бы все исправить. Что-то смазать, что-то подкрутить, отполировать, залить антикоррозийную жидкость, завести и запустить по новой. Можно было бы запустить по новой жизнь семнадцатилетней девушки, лежавшей на лестнице в неестественной позе. Просто нужен был человек, который выполнит работу часовщика, и я был уверен, что это именно я – тот, кто может такое повернуть. Был уверен около десяти секунд, пока шел в сторону толпы, глядя только на стоявший немного в отдалении и нависавший над другими домами красивый дом. Затем я остановился, посмотрел по сторонам, увидел, что как раз вхожу в толпу. Но как я тут оказался? Я же только что был в машине? Осознав, что веду себя не очень адекватно, я вернулся в машину и поехал прочь от этого места. На часах было 15:30. В теории к восьми часам вечера я мог бы уже оказаться дома, и под домом я имел в виду не наш частный родительский дом в пригороде, а Махачкалу – квартиру, жизнь, цивилизацию, где никто никого не убивает.

Я понимал, что это обыкновенное горное село, холодное и мрачноватое зимой, теплое и живое летом, но в тот момент в моей голове село N, горы, местные жители, снег и все мной увиденное слились в одну картину, в один вид из окна, на который мне больше не хотелось смотреть. Хватит с меня горного Дагестана.

Уже в третий раз зазвонил телефон. Я увидел свет в конце туннеля, последний подъем, за которым начиналась трасса и мой шанс перевернуть эту страницу своей биографии. Даже не перевернуть, а вырвать. Не только вырвать, но и сжечь, забыть, что я когда-либо заезжал в село N, забыть, что этот день, 17 января 2014 года, вообще существовал.

А потом я повернул в сторону гостевого дома, о котором говорил Заур. И в тот момент я понимал, зачем я это сделал. Мои руки не слушались меня как надо. Стоило ослабить хватку, и пальцы начинали трястись, поэтому я ухватился за руль покрепче, но и это не помогло. Не знаю, тряслись ли у меня коленки, потому что, глядя на них, я понимал, что они неподвижны, но по ощущениям тряслись не только они, но и все тело. Решение остаться тут на день показалось мне очевидным.

– Высплюсь и спокойно поеду домой, – проговорил я вслух, чтобы еще четче понимать, что и зачем делаю.

Огибая весь этот полуостров, на котором люди зачем-то решили построить село, я плавно спустился с холма, и дорога привела меня чуть ли не к самому его подножию. Там была река, она почти замерзла, но ледяной покров не внушал доверия. А что, если надо будет срочно покинуть это место и придется пересекать недозамерзшую реку? Но я не успел додумать эту мысль, потому что увидел описанное Зауром место. Это было прямоугольное двухэтажное старое советское здание с единственным входом. Чуть поодаль стоял домик охранника. Была

даже пустая парковка на четыре машины. Сзади окна гостевого дома выходили на реку, и я предположил, что в туристический сезон из-за неплохого вида он, вероятно, мог пользоваться хоть каким-то спросом. В ином случае не думаю, чтобы кто-либо из туристов отважился сюда заехать.

Я заселился на второй этаж в комнату, которую администратор рискнул назвать номером. Сразу бросился в глаза низкий, давящий потолок. Справа у входа была дверь в уборную, дальше кровать, низкий шкаф, на котором стоял старый ламповый телевизор «Рекорд-304», у кровати тумбочка с ночником, под окном красовалась чугунная батарея, над ней желтые старые и, если хорошенько присмотреться, дырявые занавески и рядом выход на балкон, которым я сразу воспользовался, чтобы подышать воздухом. Да, как и ожидалось, почти замерзшая река и высоченные горы, чьи белые шапки нельзя было даже разглядеть. Весь район был окутан туманом.

Я лег на кровать, по СМС оповестил семью и шефа, что приеду завтра, и следующие полтора часа просто смотрел в потолок.

Потом, не знаю зачем, наконец дорвался до телевизора, который дома не смотрел уже несколько лет. Попрыгал по одиннадцати каналам, семь из которых показывали более-менее сносно. Некоторое время просто переключал их по кругу, давая каждому минуту на то, чтобы зацепить мое внимание, и, когда уже собирался выключить телевизор, наткнулся на местные новости. Первым репортажем был: «Беспрецедентное по жестокости убийство произошло в селе N N-го района Республики Дагестан. Жертвами стали 50-летний Хабиб Гамзатов, бывший работник прокуратуры республики, и три его дочери. Вчера ночью или ближе к утру злоумышленник или целая группа проникла в дом и хладнокровно убила всю семью. Подробнее в репортаже Зумруд Карибовой». Потом я увидел знакомые кадры главной улицы села, жителей, дом. Сперва один старик, видимо местный старожил, прокомментировал что-то на аварском, за ним мой знакомый участковый Каримдин рассказал о том, что ситуация под контролем. Съёмки из дома не было, так что, не будь я в таком состоянии, наверняка возгордился бы тем, что стал единственным представителем СМИ, побывавшим внутри.

В конце репортажа появился мой новый знакомый, которого представили как Заура Багомаева. На экране телевизора он еще больше был похож на классического детектива с вечно кислой миной. Слегка дрожащим от волнения голосом, глядя куда-то вбок, он прочитал подготовленный текст, съедая конец каждого второго слова: «В настоящее время проводится комплекс следственных и оперативно-разыскных мероприятий, направленных на установление всех обстоятельств произошедшего, а также ведется поиск причастных к данному делу лиц. На месте преступления работают криминалисты. МВД по Республике Дагестан дано указание создать следственно-оперативную группу. Районное МВД оказывает нам всю необходимую поддержку, ведет опрос свидетелей. Не исключено, что убийства совершены не на бытовой почве, а стали результатом профессиональной деятельности Хабиба Гамзатова, несмотря на то что он находился на пенсии последние три года. Следственное управление Республики Дагестан просит всех, кто может владеть хоть какой-либо информацией по данному делу, связаться с нами по номеру 55...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.